

Дорожный ужас прёт на север

Автор:

[Стивен Кинг](#)

Дорожный ужас прёт на север

Стивен Кинг

«Когда Ричард Киннелл впервые увидел эту картину на дворовой распродаже в Розвуде, она его не напугала.

Наоборот. Она ему сразу понравилась. Сразу заворожила. И он подумал еще, как ему повезло, что он совершенно случайно набрел на такую замечательную штуковину, которая рождала в душе какое-то особенное ощущение. Но уж точно – не страх...»

Стивен Кинг

Дорожный ужас прет на север

Как ни странно, у меня действительно есть картина, описанная в этом рассказе. Моя жена увидела ее, подумала, что она мне понравится (во всяком случае, я на нееотреагирую), и подарила... на день рождения? На Рождество? Не могу вспомнить. Зато помню, что никому из троих наших детей она не глянулась. Я повесил ее в своем кабинете, и они заявляли, что глаза водителя следовали за ними, когда они пересекали комнату (когда мой сын Оуэн был совсем маленьким, он говорил то же самое про портрет Джима Моррисона). Мне нравятся истории о картинах, которые меняются, вот я в конце концов и написал рассказ о своей картине. Насколько помню, есть еще только один рассказ, который я написал, отталкиваясь от реальной картины: «Дом на Кленовой

улице», и вдохновил меня черно-белый рисунок Криса ван Оллсберга. Рассказ этот опубликован в сборнике «Ночные кошмары». Я также написал роман о картине, которая меняется. Он назывался «Роза Маддера», и, возможно, это самый читабельный из моих романов (фильма по нему так и не сняли). В этом рассказе Дорожный Вирус назван Норманом.

Когда Ричард Киннелл впервые увидел эту картину на дворовой распродаже в Розвуде, она его не напугала.

Наоборот. Она ему сразу понравилась. Сразу заворожила. И он подумал еще, как ему повезло, что он совершенно случайно набрел на такую замечательную штуковину, которая рождала в душе какое-то особенное ощущение. Но уж точно – не страх. И только потом Киннелл понял («потом, когда было уже слишком поздно», как написал бы он сам в одном из своих романов, пользующихся у читающей публики неизменным и прямо-таки ошеломляющим успехом), что ощущения, рожденные этой картиной, очень напоминали те, что он испытывал в юности по отношению к некоторым запрещенным законом наркотическим препаратам.

Киннелл заехал в Розвуд по дороге из Бостона, куда его пригласили на конференцию писателей Новой Англии с эпохальным названием «Опасные стороны популярности» под эгидой PEN. Он давно уже понял, что PEN умеет найти достойные темы для обсуждения. На самом деле ему это даже нравилось. На таких мероприятиях он, как говорится, отдыхал душой. От Дерри до Бостона было двести шестьдесят миль, но Киннелл решил, что поедет сам, на машине. Конечно, он мог бы полететь на самолете, но в последнее время работа над очередной книгой неожиданно застопорилась, и ему хотелось какое-то время побыть одному, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий кризис. А тут как раз выдался подходящий случай.

На конференции Киннеллу задавали все те же вопросы, которые, по его собственному мнению, люди, близкие к литературе ужасов, вообще не должны задавать писателю. Спрашивали, где он берет сюжеты для своих романов и не бывает ли страшно ему самому, когда он работает над своей книгой. Из Бостона Киннелл выехал по мосту Тобин-Бридж и сразу свернул на шоссе № 1. Он никогда не ездил по скоростным автобанам, когда хотел подумать над разрешением назревших проблем. Скоростные трассы вгоняли его в странное состояние: как будто ты спишь и в то же время бодрствуешь. Состояние

спокойное и даже приятное, но не особенно конструктивное в творческом плане. А вот дорога, идущая по побережью, с постоянными остановками у светофоров... она действовала на Киннелла, как песчинка, попавшая в устрицу. Создавала как раз то ненавязчивое раздражение, которое способствует работе мысли. А иногда даже рождает жемчужину.

Хотя критики творчества Ричарда Киннелла в жизни бы не додумались употребить это сравнение. В одном из номеров «Эсквайра» за прошлый год появилась статья Брэдли Симонса про «Город кошмаров». Статья начиналась так: «Ричард Киннелл снова порадовал многочисленных почитателей. Король ужасов испытал очередной приступ неудержимой словесной рвоты и выдал нам энный шедевр. Сие извержение озаглавлено „Город кошмаров“».

Киннелл уже проехал через Ревир, Молден, Эверетт и Ньюберипорт. Сразу за Ньюберипортом, чуть к югу от границы штатов Массачусетс и Нью-Хэмпшир, располагался маленький аккуратненький городок – Розвуд. Отъехав примерно на милю от центра города, Киннелл заметил, что на лужайке перед одним двухэтажным коттеджем разложены в ряд всякие штуки явно дешевого вида. К электрической плитке мутно-зеленого цвета была прикреплена картонка с надписью: «ДВОРОВАЯ РАСПРОДАЖА». По обеим сторонам узкой улицы стояли припаркованные автомобили. Между ними оставался тот самый проезд типа «захочешь – протиснешься», который матерно поминают нетерпеливые водители, не подверженные таинственному обаянию дворовых распродаж в маленьких городках. Но Киннелл как раз обожал дворовые распродажи. Особенно ему нравилось рыться в коробках со старыми книгами, которые иногда попадались на этих домашних базарчиках. Он протиснулся в узкий проезд и поставил свою «ауди» первой в линии машин, смотрящих в сторону Мэна и Нью-Хэмпшира.

На распродаже было достаточно людно. Человек десять – двенадцать бродили по донельзя замусоренной лужайке перед деревянным коттеджем, выкрашенным в серый и синий цвета. Слева от залитой бетоном дорожки, прямо на улице, стоял большой телевизор. Подставкой ему служили четыре мусорные корзины, но мусор в них, кажется, не бросали принципиально. На телевизоре красовалась очередная картонка: «КУПИ ЧТО-НИБУДЬ – НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ». Электрический шнур – тугой, как струна – тянулся от телевизора в дом через распахнутую переднюю дверь. Тут же, в тени большого зонта с надписью «CINZANO», стояло пластиковое кресло. В кресле сидела толстая тетка. Перед ней – маленький карточный столик с коробкой из-под сигар, перекидным

блокнотом и еще одной картонкой, на которой было выведено от руки: «ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ. ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ». Телевизор работал. Крутили очередную мыльную оперу, где все шло к тому, что красавец-герой и красавица-героиня сейчас займутся крайне небезопасным сексом. Толстая тетка мельком взглянула на Киннелла и снова уставилась в телевизор. Секунду она тарасилась на экран, а потом опять повернулась к Киннеллу. И уставилась уже на него. Причем открыв рот.

Ага, читательница-почитательница, – подумал Киннелл, оглядывая лужайку в поисках картонной коробки со старыми книжками в мягких обложках, которая непременно должна была быть где-то здесь.

Книжек он не нашел. Зато увидел картину, прислоненную к гладильной доске и подпертую для устойчивости двумя пластиковыми корзинками. У Киннелла перехватило дыхание. Он сразу понял, что эту вещь он возьмет.

Сдерживая возбуждение, он небрежно шагнул к картине и опустился перед ней на одно колено. Это была акварель, безупречная с точки зрения техники. Впрочем, техника Киннелла как раз и не интересовала (что не раз отмечали прилежные критики, бравшиеся за разбор его книг). В произведениях искусства он ценил прежде всего содержание. Причем чем больше оно «пробивало», тем лучше. Киннелл любил, чтобы произведение рождало тревогу. И, если судить по такому критерию, картина была выше всяких похвал. Стоя на коленях между пластиковыми корзинами, набитыми всякой всячиной, он провел пальцами по стеклу, закрывавшему акварель. Потом огляделся, надеясь обнаружить еще нечто подобное, но такая картина была одна – все остальное являло собой стандартный для домашних базарчиков набор: пухлощечие куколки, молитвенно сложенные ладони и резвящиеся собачки.

Киннелл опять стал разглядывать акварель в рамочке под стеклом. Мысленно он уже переставил свой чемодан на заднее сиденье в салоне, а картину бережно уложил в багажник.

На картине был изображен молодой человек за рулем мощной спортивной машины – может, «гранд-ама», а может, и GTX, в общем, какой-то машины с откидным верхом – на мосту Тобин-Бридж на закате. Откидной верх был поднят, и поэтому черный автомобиль походил на недоделанный кабриолет. Молодой человек пристроил левую руку поверх боковой дверцы с опущенным стеклом, а правую небрежно держал на руле. Закатное небо над Тобин-Бридж в желтых и

серых подтеках с ярко-розовыми прожилками было похоже на громадный синяк. Жидкие светлые волосы свисали сосульками на низкий лоб, молодой человек ухмылялся, и сквозь приоткрытые губы были видны его зубы. Только это были не зубы, а самые настоящие клыки.

Может быть, он их специально затачивал, – подумал Киннелл. – Может быть, он маньяк какой-нибудь. Людоед.

Ему это ужасно понравилось: сама идея, что людоед едет по Тобин-Бридж на закате. В шикарном «гранд-аме». Он знал, что подавляющее большинство из тех, кто присутствовал на писательской конференции PEN, наверняка бы подумали: Ага, самая что ни на есть подходящая картинка для Рича Киннелла. Небось повесит ее над столом для вдохновения. Такое перышко, чтобы пощекотать в старой поизносившейся глотке на предмет очередной порции неудержимой рвоты. Но ведь это самое подавляющее большинство были просто невеждами – во всяком случае, в том, что касается его собственных книг. И мало того: они носились со своим невежеством, обожали его, холили и лелеяли – непонятно, с какого перепугу. Точно так же, как некоторые холят, лелеют и обожают зловредных и глупых маленьких собачонок, которые облаивают гостей и время от времени норовят укусить почтальона за пятку. Картина понравилась Киннеллу не потому, что он писал романы ужасов. Он писал романы ужасов потому, что ему нравились вещи типа этой картины. Восторженные читатели часто присылали ему всякую ерунду – в основном картины. Большую часть этих картин Киннелл просто выбрасывал на помойку. И вовсе не потому, что они были плохими. А потому, что они были скучными и предсказуемыми. Но вот один парень из Омахи как-то прислал ему маленькую керамическую фигурку: вопящая от страха обезьянка высовывает голову из холодильника. И эту вещицу Киннелл оставил. С точки зрения художественного мастерства фигурка была исполнена из рук вон плохо, но в ней был элемент неожиданности. Какое-то странное соприкосновение, которое затронуло Киннелла и, как говорится, придало ему ускорение. В картине тоже что-то такое было. Только сильнее. Гораздо сильнее.

Киннелл уже потянулся к картине. Ему хотелось взять ее прямо сейчас – сию же секунду, – засунуть под мышку и объявить, что он берет эту вещь. Но тут у него за спиной раздалось:

– Простите, ведь вы Ричард Киннелл?

Он резко выпрямился и обернулся. Прямо за спиной стояла толстая тетка, загораживая большую часть обзора. Киннелл заметил, что, прежде чем подойти к нему, тетка подкрасила губы ярко-красной помадой и теперь улыбалась этакой кровоточащей улыбкой.

– Да, это я, – улыбнулся он в ответ.

Толстуха указала глазами на картину.

– Мне бы следовало догадаться, что вы сразу к ней и направитесь, – проговорила она с глуповатой улыбкой. – Она прямо ваша.

– Да, действительно. – Киннелл изобразил самую лучезарную из своих «парадно-выходных» улыбок. – И сколько вы за нее хотите?

– Сорок пять долларов, – тут же отозвалась тетка. – Скажу вам по правде, я сначала хотела семьдесят. Но она никому не нравится, да. Пришлось сбавить цену. Если вы завтра за ней вернетесь, я и за тридцатку, наверное, отдам. – Улыбка на лице тетки растягивалась все шире, а излучаемое ею радушие приняло прямо-таки устрашающие размеры. Киннелл даже заметил, что в уголках теткиных губ пузырится слюна.

– Нет, лучше я рисковать не буду. А то вдруг ее все-таки купят до завтра, – сказал он. – Я вам выпишу чек. Прямо сейчас, не откладывая.

Теткина улыбка растянулась почти до ушей, и тетка теперь стала похожа на какую-то нелепую пародию на Джона Уотерса. О божественная Ширли Темпл!

– Вообще-то я не должна брать чеки. Ну да ладно, – произнесла она тоном скромницы-школьницы, поддавшейся наконец на настойчивые уговоры сексуально озабоченного приятеля. – И уж коли вы достали ручку, может, заодно мне автограф дадите, для дочки? Ее Микела зовут.

– Красивое имя, – отозвался Киннелл на автомате.

Он взял картину и вернулся следом за толстой теткой к карточному столику. Действие на экране сменилось. Похотливая парочка временно уступила место

изголодавшейся старушенции, которая шумно и жадно поглощала мюсли.

– Микела читает все ваши книги, – сказала толстуха. – И откуда вы только берете эти свои безумные идеи?

– Не знаю. – Киннелл растянул губы в улыбке. – Они просто приходят, и все. Удивительно, да?

Толстуху, заправлявшую на распродаже, звали Джуди Даймент. Она жила в соседнем доме. Когда Киннелл спросил, не знает ли она случайно, кто написал картину, она сказала, что знает. Ее написал Бобби Хастингз, и из-за этого Бобби Хастингза она теперь тут и сидит. Продает вещи, которые когда-то принадлежали ему.

– Единственная его картина, которую он не сжег, – сказала Джуди. – Бедняжка Айрис! Вот кого мне действительно искренне жаль. А Джорджу, по-моему, все равно. И я точно знаю, что он так и не понял, почему Айрис решила продать этот дом.

Она закатила глаза, изображая классический взгляд, апеллирующий к собеседнику: мол, вы только представьте себе такое. Киннелл вручил ей чек, а Джуди протянула ему блокнот, куда она аккуратно записывала все вещи, которые ей удавалось продать, и суммы, которые она за них получала.

– Напишите, пожалуйста, что-нибудь для Микелы, – попросила она, вновь расплывшись в приторно-сладкой, глуповатой улыбочке. – Ну, пожалуйста.

Эта улыбка была для Киннелла как старый знакомый, который вдруг вновь возник в твоей жизни, хотя ты-то втайне надеялся, что он давно умер.

– Ага-ага, – рассеянно отозвался он и быстренько изобразил в блокноте свое стандартное обращение к поклонникам типа «спасибо читателю за внимание». Он не следил за своей рукой. Даже не думал о том, что пишет. Он уже двадцать пять лет раздавал автографы, процесс был доведен до полного автоматизма. – Расскажите мне про эту картину. И про Хастингзов тоже.

Джуди Даймент скрестила на груди пухлые руки с видом человека, готового продекламировать благодарным слушателям свою любимую историю.

– Бобби было всего двадцать три года, когда этой весной он покончил с собой. Можете себе представить? Он был из тех молодых людей, кого называют измученными гениями. Но при этом жил дома с родителями. – Она вновь закатила глаза, апеллируя к Кеннеллу. Мол, вы только подумайте, и бывает же такое на свете. – У него было таких картин семьдесят, если не все восемьдесят. Не считая набросков. Он их в подвале держал, у себя. – Джуди указала взглядом на коттедж, а потом вперилась в картину с парнем зловещего вида, мчащимся по мосту Тобин-Бридж на закате. – Айрис... это мать Бобби... она говорила, что почти все его творения были просто ужасными. Еще похуже, чем это. Говорила, что от его картин у нее волосы дыбом встают. – Джуди понизила голос до шепота, покосившись на женщину, которая рассматривала разрозненный набор столового серебра и весьма неплохую коллекцию старых пластиковых стаканчиков из «Макдоналдса» с кадрами из фильма «Дорогая, я уменьшил детей». – Говорила, что там были всякие сексуальные сцены.

– О нет, – сказал Киннелл.

– А самые жуткие вещи он стал писать, когда пристрастился к наркотикам, – продолжала Джуди Даймент. – Когда он покончил с собой... повесился у себя в подвале, где обычно писал картины... там нашли больше сотни этих маленьких пузыречков, в которых продают кокаин. Нет, наркотики – это ужасно! Верно, мистер Киннелл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/dorozhnyy-uzhas-pret-na-sever>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)